

Глава 8

Принц Жуй вздрогнул.

Он находился во дворце Шоукан, где навещал Вдовствующую императрицу.

Несколько дней назад она простудилась и с тех пор не переставала кашлять. Узнав об этом, принц Жуй подавал прошение за прощением и только сегодня получил разрешение явиться во дворец.

— Дитя моё, не заразился ли ты от меня? — Вдовствующая императрица прикрыла рот платком, подавив кашель, и откинулась назад, боясь передать болезнь сыну.

Ей было за сорок, но она всё ещё оставалась красивой женщиной.

Лишь в уголках глаз залегли тонкие морщинки, а голос звучал мягко и нежно.

Принц Жуй очнулся от своих мыслей и с улыбкой покачал головой:

— Матушка, я силен и здоров, как я могу так легко заболеть? Не думайте об этом, лучше берегите себя. Скоро Новый год, а в гареме нет императрицы, все заботы на ваших плечах.

При упоминании об этом лицо Вдовствующей императрицы стало серьёзным.

— Я несколько раз заговаривала с императором, но он и слышать не хочет о новой императрице. Как думаешь, он действительно не хочет или...

— Матушка, что бы ни думал старший брат, пока в гареме нет императрицы, вся власть в ваших руках. Это вам на пользу, — ответил принц Жуй.

При одном упоминании о Цзинъюане лицо Вдовствующей императрицы омрачалось.

И неудивительно. Дворец Шоукан был хорош, но он не был главным. Испокон веков вдовствующие императрицы жили во дворце Цынин.

— Император слишком упрям, все при дворе недовольны. Если он и дальше будет так себя вести, хм, посмотрим, как долго он продержится, — в её голосе прозвучал холод.

— Матушка, не волнуйтесь, все знают о ваших добрых намерениях, — успокаивающе похлопал он её по руке.

— Я не желала ему в жёны дочь какого-нибудь знатного рода, ни в чём его не упрекала, а он относится ко мне как к врагу, — нахмурилась она. — Впрочем, что о нём говорить. Дитя моё, чужая кровь — не своя. Теперь вся моя надежда только на тебя.

— Не говорите так в стенах дворца, — тихо произнёс принц Жуй.

— Это мой дворец Шоукан, а не его Цяньмин, — она отняла руку и откинулась на мягкие подушки, на её лице отразилась насмешка. — Он взошёл на трон лишь потому, что покойный император так внезапно скончался, иначе...

В её голосе слышалась зависть и обида.

В один день — на небесах, в другой — в преисподней.

Всё перевернулось с ног на голову, и ничего нельзя было поделывать.

Принц Жуй опустил глаза, скрывая разочарование.

Перед смертью отец уже намекал, что, если не случится ничего непредвиденного, титул наследного принца достанется ему.

Но после одной поездки отец вернулся тяжело больным и не мог даже говорить. Мать в панике не знала, что делать, и упустила момент. У Хэлянь Дуаня были свои планы, но он не ожидал, что отец умрёт так быстро... Все усилия пошли прахом.

Без завещания, без устного приказа, придворные не посмели пойти против традиций и обойти законного наследника и старшего сына Хэлянь Жуна. И он, Хэлянь Дуань, мог лишь беспомощно наблюдать, как тот восходит на трон, а сам стал всего лишь Тринадцатым принцем с титулом Жуй.

Хэлянь Жун стал правителем, а он — его подданным.

Разве мог принц Жуй смириться с этим?

Если бы тогда у него было ещё немного времени, он бы, возможно...

Скрыв блеск амбиций в глазах, принц Жуй ещё долго утешал мать и покинул дворец только к полудню.

Сев в карету, он закрыл глаза.

К нему склонился личный телохранитель, одетый как простой слуга, и тихо доложил:

— Ваше высочество, Чэнь Сюаньмин спасён. Мы подменили его похожим телом, изуродовав лицо. В списках ссыльных «Чэнь Сюаньмин» числится умершим.

— Прекрасно, — улыбнулся принц Жуй.

Это было действительно прекрасно.

Он переродился. Хоть и не в самое удачное время — Цзинъюань уже был на троне, — но теперь у него было преимущество.

Зная будущее, он не повторит ошибок прошлого.

Он вернёт всё, что принадлежит ему по праву!

***

— Апчхи, апчхи!

В комнате для евнухов в Северных покоях, на кровати в углу у двери, свернулся калачиком кто-то, укрывшись с головой одеялом.

Вошедший Ую услышал, как чихает Цзинчжэ.

— Цзинчжэ, если заболел, тем более надо есть, — Ую принёс ему две лепёшки, спрятав их за пазухой, чтобы не остыли. — Вставай, а то я с тебя одеяло стащу.

Ую дружил с Чаншоу, но и с Цзинчжэ у него были хорошие отношения. Он был весёлым, беззаботным и не держал камня за пазухой.

Услышав его шаги, Цзинчжэ неохотно откинул одеяло. Растрёпанные волосы, покрасневшее от духоты лицо — он выглядел немного глуповато.

Ую фыркнул.

Он редко видел Цзинчжэ в таком виде.

Цзинчжэ был вялым, глаза влажно блестели, нос покраснел — похоже, у него был жар. Ую, посмеявшись, притащил стул и начал кормить его лепёшкой.

— Что творится в Северных покоях? Сначала матушка Мин, потом Цайжэнь Яо... теперь ты заболел. Так и до беды недалеко. Может, богам помолиться, чтобы отвести напасть?

Он бормотал себе под нос.

После смерти Цайжэнь Яо всех отправили заниматься похоронами. Если бы Цзинчжэ не заболел, ему бы тоже пришлось идти. Ую, улучив минутку, отпросился у Минъюя, чтобы покормить друга.

И не зря — Цзинчжэ так и не вставал.

Цзинчжэ машинально прожевал несколько кусков и спросил:

— Как... дела с Цайжэнь Яо?

— А как они могут быть, — вздохнул Ую. — Сказали, самоубийство. Вдовствующая императрица пожаловала гроб и немного серебра. Похоже, тело пролежит дней семь, а потом отправят в усыпальницу.

Хоть Цайжэнь Яо и умерла в Северных покоях, она была старшей, и прощаться с ней здесь было нельзя. Вдовствующая императрица распорядилась выделить для этого один из дворцовых залов, хоть и не главный.

В ближайшие дни у обитателей Северных покоев будет много хлопот.

Ую скормил ему ещё пару кусков, как вдруг Цзинчжэ, до этого кутавшийся в одеяло, протянул руку.

— Я сам, — смущённо пробормотал он.

— Ничего страшного, покормлю, — весело ответил Ую.

Он отдал ему лепёшки и внимательно на него посмотрел. Чем дольше он смотрел, тем больше беспокоился.

— Цзинчжэ, ты только не скрывай, может, ты серьёзно болен?

Он потянулся к нему, но Цзинчжэ отшатнулся, крепче сжав лепёшку.

Его дыхание сбилось. Он глубоко вздохнул и заставил себя улыбнуться.

— Я в порядке.

— Точно? — с сомнением спросил Ую. Но если он в порядке, почему чем дольше он на него смотрит, тем сильнее краснеет Цзинчжэ?

Цзинчжэ сжимал лепёшку так, что на ней оставались вмятины. Он старался дышать ровно, чтобы не вызвать подозрений.

...Только бы он перестал на него смотреть!

Сначала Цзинчжэ не осознавал всей коварности этого «баффа».

Вчерашнее прикосновение к плечу вызвало лишь странное онемение. Укрывшись от чужих взглядов, он спокойно уснул.

Но утром, когда он пошёл за водой, с ним здоровались все, даже те служанки, что обычно не обращали на евнухов внимания.

И каждый смотрел на него.

Смотрел. Взгляд.

— «Внимание».

Только тогда Цзинчжэ понял, какими ужасными могут быть последствия.

Под этими взглядами его тело стало таким чувствительным, что даже грубая ткань одежды вызывала дрожь при каждом соприкосновении.

Он побледнел и тут же притворился больным.

Видя его покрасневшие глаза, учащённое дыхание и горячую кожу, никто не усомнился. Лишь Чаншоу что-то пробормотал, а остальные отправили его отдыхать.

Цзинчжэ, кое-как отпросившись у Чэнь Миндэ, забился в свою комнату и пролежал до сих пор.

Вдали от чужих глаз жар спадал.

Но обострившаяся чувствительность никуда не делась. Если бы не Ую, Цзинчжэ, наверное, пролежал бы в одной позе до вечера.

Теперь же Ую, боясь, что он скрывает серьёзную болезнь, не сводил с него глаз, не подозревая, что каждый его взгляд для Цзинчжэ — пытка.

Когда Цзинчжэ был уже на грани, снаружи послышался крик.

— Ую, ты где? Пошли!

Это вернулся Чаншоу, чтобы забрать вещи Цайжэнь Яо.

Ую взглянул на дверь, потом снова нахмурился, глядя на Цзинчжэ.

— Отдыхай. Я поговорю с Минъюем, может, удастся достать для тебя горячего супа.

Цзинчжэ проводил его взглядом и, как только тот ушёл, без сил рухнул на кровать.

Он зажал рот рукой, чтобы не застонать. Ноги сами собой скрестились, ступни тёрлись о покрывало, сбрасывая сдерживаемое напряжение.

Осознав, что делает, он побледнел.

Если так пойдёт и дальше, он может выдать себя.

Он с трудом поднялся, оделся, закутавшись так, чтобы не было видно ни сантиметра кожи, и, пошатываясь, вышел.

Снаружи было холодно, падал снег. Мороз немного отрезвил его.

Он низко натянул шапку, пряча лицо.

Из-за похорон большинство обитателей Северных покоев, включая Чэнь Миндэ и матушку Мин, отсутствовали. Лишь Хэ Е осталась прислуживать господам.

Цзинчжэ подошёл к узкой, незапертой двери.

Сегодня вечером, когда все вернутся, он, может, и выдержит. Но если Ую и Минъюй из-за заботы станут смотреть на него, говорить с ним... он точно сломается.

Трое суток... сегодня только второй день.

Нужно продержаться ещё один.

От одной мысли об этом во рту стало горько.

Куда ему спрятаться?

Он коснулся грубой деревянной двери и тут же отдернул руку, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони. Только боль помогала сдерживать странный, блуждающий по телу жар.

Он не мог ни к чему прикоснуться.

Что за проклятое тело, что за проклятый «бафф»?

Он жадно глотнул воздух, пытаясь успокоиться.

На похоронах нужны люди. Большинство ушли, и ночевать, скорее всего, будут там же. Сегодня вернутся немногие, а может, и никто.

Но если он уйдёт и его поймут в другом дворце, будут проблемы.

Лучше остаться здесь, притвориться больным и не просыпаться.

Но сейчас одна мысль о своей кровати вызывала у него отвращение. До темноты лучше помёрзнуть на улице, прийти в себя...

Он толкнул дверь и, пошатываясь, сел на порог, сжавшись в комок.

Снег падал, покрывая его с головой.

Дыхание было горячим.

Ш-шаг... ш-шаг...

Приближающиеся шаги показались знакомыми. Цзинчжэ, уронивший голову на колени, устало подумал: кто-то вернулся... надо вставать, идти обратно...

Нет.

Этот звук...

Он резко поднял голову и встретился с холодным взглядом.

Давно не виденный им Жун Цзю смотрел на него сверху вниз. В его обычно ровном голосе слышалось любопытство.

— Что ты здесь... делаешь?

Жун Цзю смотрел на него.

Пальцы Цзинчжэ, вцепившиеся в рукава, свело судорогой.

Он никогда не думал, что может быть так чувствителен к чужому взгляду. Слово «внимание» вдруг окрасилось в похотливые тона.

Тело Цзинчжэ дрожало, как натянутая до предела тетива.

Огонь, разожжённый сотнями взглядов, почти испепелил его.

— Я... — каждое слово давалось ему с трудом, словно он танцевал на лезвиях. — Здесь... отдыхаю... и... пойду...

Он спрятал дрожащие пальцы в рукавах и повернулся, чтобы уйти.

— Цзинчжэ.

Позвал его Жун Цзю.

Он редко называл его по имени. Услышав своё имя, Цзинчжэ обернулся и встретился с его немигающим взглядом.

И с его прекрасным лицом.

Треск.

Цзинчжэ больше не мог сдерживаться. Он упал на колени, вцепившись в рукав Жун Цзю. Судорожно сжатые пальцы разорвали ткань.

— У-а-а... — вырвался из его горла сдавленный стон.

...Когда-нибудь он умрёт из-за этой своей дурной привычки.

<http://bllate.org/book/16993/1582152>